

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Б.Н. МИРОНОВ

Русская революция 1917 года в контексте теорий революции

Статья 1

В статье оценивается применимость различных теорий революции (марксистской, мальтузианской, модернизационной, институциональной, психосоциальной и других) при изучении предпосылок и причин Русской революции 1917 года. Предлагается наиболее адекватное, с точки зрения автора, объяснение ее истоков.

Ключевые слова: Русская революция 1917 года, теории революции, предпосылки и причины революции, марксизм, мальтузианство, институционализм, теория модернизации.

In article applicability of various theories of revolution (Marxist, Malthusian, modernization, institutional, psychosocial and others) when studying preconditions and the reasons of Russian revolution of 1917 is estimated and also the most adequate, from the point of view of the author, an explanation of her origin is offered.

Keywords: Russian revolution of 1917, theory of revolution, precondition and revolution reason, Marxism, Malthusianism, Institutionalism, modernization theory.

Чтобы добраться до источника,
надо плыть против течения.

С.Е. Лец

В современной академической литературе при объяснении предпосылок и причин социально-политических революций, включая и Русскую революцию 1917 г., чаще всего используются марксистский и близкий ему мальтузианский, модернизационный и институциональный подходы, а также психосоциальная, структурная, политическая либо экономическая концепции в зависимости от того, какой фактор считается относительно более важным. Менее популярны другие объяснения революции 1917 г.: (1) циклическое (А. Ахиезер, В. Ильин, А. Панарин, А. Янов) [Ильин, Панарин, Ахиезер, 1996; Янов, 1997, с. 124–159]; (2) психологические в разных вариантах – психиатрическое, психоаналитическое и социально-фрейдистское (П. Сорокин, В. Булдаков) [Сорокин, 1992, с. 266–294; Булдаков, 2010]; (3) пассионарное (в духе теории этногенеза Л. Гумилева) и (4) синергетическое – Хаос против Космоса, гомоэнергетическое истощение этнического ядра империи (В. Соловей) [Соловей, 2007, с. 20]. Известны также (5) культурологические объяснения – (5^а) извращение российского мессианизма и

Миرون в Борис Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

коллизии византийского, монгольского и европейского начал русской истории (В. Кантор) [Кантор, 2005, с. 35–41, 53–54], (5^b) “манихейский тип русской цивилизации” и эволюция ментальности (И. Яковенко, А. Пелипенко) [Пелипенко, 2011; Пелипенко, Яковенко, 1998], (5^b) социокультурный раскол общества, порождающий маятниковые колебания между полярностями (А. Ахиезер) [Ахиезер, 1997, т. 1, с. 8–9, 2–22], (5^c) саморазрушение имперской системы по причине разложения идеи “симфонии” священства и царства (В. Булдаков), (5^a) оскудение и превращение в формальность православной веры (В. Лавров), (5^c) разрушение православного мировоззрения и мировосприятия, забвение национальных корней, отказ от всемирной миссии православной Российской империи нести веру *urbi et orbi* (А. Боханов) [Февральская.... 2007, с. 4, 6–7, 9, 12–13, 15–16; Булдаков, 2010, с. 638]. Некоторые авторы используют в своем анализе сразу несколько концепций.

Классификация подходов и концепций всегда субъективна, так как зависит от критерия, положенного в ее основу, а критерий – от методологических пристрастий автора. Но при всей своей условности она помогает систематизировать точки зрения и тем самым облегчает анализ историографии. В социологии революции принято выделять (в зависимости от того или иного видения причин, целей, обязательных параметров революции) четыре направления: абстрактно-натуралистическое, политико-правовое, социально-структурное и социально-психологическое [Шепелева, 2005, с. 11–75; 2009, с. 42–193]. Известный современный польский социолог П. Штомпка сводит теории революции в четыре группы: бихевиористские, психосоциальные, структурные, политические [Штомпка, 2005, с. 567]. Историки предлагают свои классификации. Американский русист Дж. Биллингтон насчитал шесть точек зрения на Русскую революцию [Billington, 1966]. Другой американец М. Маля сводит различные интерпретации революции в три модели – либеральную (основные представители – П. Милуков, Х. Ситон-Уатсон, Л. Шапиро и М. Флоринский), консервативную, или циклическую (основные представители – К. Бринтон и Н. Тимашев), и марксистскую [Маля, 1985, с. 9–30]. Английский историк П. Дьюкс выявил девять аналитических подходов [Дьюкс, 1998].

Прежде чем перейти к анализу концепций революции, сделаю две оговорки. Во-первых, воздержусь от рассмотрения концепций, не поддающихся эмпирической проверке, по крайней мере, на настоящем уровне знаний. Например, я затрудняюсь оценить гомоэнергетическое истощение этнического ядра империи или степень “симфонизма” священства и царства. Не знаю, как можно доказать или опровергнуть, произошло ли извращение российского мессианизма или что коллизия византийских, монгольских и европейских основ русской истории достигла критического уровня. Сторонники синергетического подхода пока не предложили четких критериев для нахождения точек и зоны бифуркации или аттрактора. Все эти концепции в большей или меньшей степени рассмотрены в других работах; к ним я и отсылаю читателя [Шепелева, 2005, с. 328–350, 367–374; 2009, с. 194–294; Булдаков, 2010, с. 588–646; Галкина, Колиненко, 2009].

Во-вторых, в историографии существуют два взгляда на революционные события 1917 г. Согласно первому в России произошли две революции – в феврале и в октябре. По второй версии февральский и октябрьский перевороты являлись двумя последовательными стадиями или этапами одной революции. В настоящее время все больше российских и зарубежных исследователей склоняются к мысли, что февральские и октябрьские события 1917 г. представляют собой два этапа одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г. – моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение – к 1920 г., окончанию Гражданской войны [Заболотный, 1995; Fitzpatrick, 2008, p. 4; Holquist, 2002, p. 1–3, 6]. И такой подход представляется вполне резонным. Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство было *временным*, и парламент – *предпарламентом*. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно

собралось слишком поздно и было безрезультатным: большевикам удалось его разогнать. Возвращение к концепции единой революции вполне оправданно и в сравнительно-исторической перспективе. Революционные события в Нидерландах в 1566–1579 гг., продолжавшиеся 13 лет, разделяются на четыре этапа, а не на четыре революции. Английская революция XVII в. (известная также как Английская гражданская война), длившаяся 18 лет (1642–1660 гг.), тоже делится историками на этапы или войны, а не на революции. Наконец, в истории Великой французской революции (1789–1799 гг.) историки выделяют четыре этапа, а не четыре революции, хотя взятие Бастилии, установление якобинской диктатуры, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера могли бы претендовать на статус отдельных революций.

В таком случае можно говорить о трех революциях в России XX в.: Первая русская революция 1905–1907 гг., Вторая русская революция 1914–1920 гг., Третья русская революция 1985–1993 гг. (от начала перестройки до претворения в жизнь реформ Е. Гайдара включительно).

Марксистско-ленинская и мальтузианская концепции революции

Огромное большинство работ, опубликованных в советский период, написано в марксистско-ленинской парадигме. Поскольку тогда она являлась нормативной, то вольнодумство допускалось в весьма ограниченных пределах. Парадигма остается влиятельной и в постсоветской историографии, несмотря на утрату монополии [Земцов, 1999]. В некоторых работах она сохранилась в девственной чистоте, в других – в несколько осовремененном виде, в том числе в учебной литературе [История... 2011, с. 310; Корзинин, 2008, с. 137–138, 159–160].

Согласно марксистско-ленинской концепции, главная и единственная предпосылка, или глубинная причина, российских революций начала XX в. состояла в конфликте между растущими производительными силами и сложившейся системой социальных отношений и учреждений. Обострение на этой объективной почве экономических, политических и иных противоречий, особенно же классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми, и привело к революции [Советская... 1968, т. 11, стлб. 959–962, т. 14, стлб. 984–985].

Иначе говоря, позднейперская Россия находилась в состоянии глобального системного кризиса, вызванного тем, что быстрое экономическое развитие по капиталистическому пути требовало адекватных социальных и политических реформ, а они не проводились. В результате этого возникло пресловутое несоответствие производительных сил и производственных отношений. Политическая и социальная структура общества устарели и, самое важное, не поддавались трансформации без революции. Старая элита была недееспособна; население нищало, а огромное неравенство усугубляло проблему бедности; царизм не желал никаких реформ, стремясь ликвидировать или, по крайней мере, затормозить те из них, что проводились под давлением революционного движения. Первая мировая война послужила только последним толчком, чтобы уничтожить прогнивший снизу доверху режим¹.

Остановлюсь на четырех принципиальных тезисах марксистской парадигмы (пятый – огромное имущественное неравенство, будет рассмотрен в специальном параграфе).

Центральный тезис марксистской парадигмы о несоответствии производительных сил и производственных отношений абсолютно не состоятелен. Экономика России по темпам роста в 1880–1913 гг. занимала одно из первых мест в мире, из великих держав уступая только США. Промышленность на основе частной собственности раз-

¹ В марксистской парадигме написаны тысячи книг и статей о революции 1917 г. К классическим работам здесь можно отнести: [Бурджалов, 1967; 1971; Минц, 1977–1979]. В них присутствует весь набор марксистско-ленинских клише о революции.

вивалась особенно быстро и имела огромные резервы, о чем говорит тот факт, что по производительности труда она уступала передовым капиталистическим странам в 3–4 раза. В сельском хозяйстве “феодалное” помещичье хозяйство имело более высокие урожаи и меньшие издержки производства сравнительно с “передовыми” крестьянскими хозяйствами. Упразднение помещичьего земледелия – “главного препятствия прогресса” – грозило упадком сельскохозяйственного производства. Известный русский агроном и администратор А. Ермолов попытался оценить вероятные экономические результаты безвозмездной передачи всей помещичьей земли в руки крестьян в 1906 г. В этом случае, по его расчету, не только страна в целом, но и, как это ни парадоксально, *крестьяне проиграют*, так как получат дохода с дарованной земли меньше, чем зарабатывали за ее обработку в качестве сельскохозяйственных рабочих, когда она принадлежала помещикам. Причины – низкая производительность, высокие издержки и малая низкая доходность крестьянской земли сравнительно с помещичьей [Ермолов, 1906, с. 35–60, 264–276]. История советского сельского хозяйства полностью подтвердила этот прогноз. Урожайность зерновых 1913 г., равная 8,7 ц/га, была превышена только через 45 лет, в 1956–1960 гг.; производство хлеба, мяса и других продуктов питания на душу населения – в 1950–1960-е гг. До 1914 г. Россия в огромном количестве экспортировала сельскохозяйственную продукцию, прежде всего хлеб; в 1920-е гг. вывоз зерновых упал в 12 раз (с 11,2 до 0,846 млн тонн), в 1930-е гг. – в 5,4 раза (до 1,945 млн тонн) по сравнению с 1909–1913 гг.; экспорт мяса, яиц, масла сократился еще в большей степени. Постепенно экспорт продовольствия сошел на нет, а с 1970-х гг. начался импорт, достигший к концу советской эпохи огромных размеров: в 1985–1986 гг. импорт зерновых в 3,6 раза превысил экспорт 1909–1913 гг. [Миронов, 2003, т. 2, с. 401–406].

Социальная и политическая структура общества устарели и не поддавались трансформации без революции. Социальная структура общества в пореформенное время претерпела коренную, но мирную трансформацию. Благодаря реформам 1860-х гг. сословия стали постепенно утрачивать свои специфические привилегии, сближаться друг с другом в правовом положении и постепенно трансформироваться в классы² и профессиональные группы. Дворяне-помещики сливались в одну социально-профессиональную группу с частными землевладельцами, дворяне-чиновники – с чиновниками-недворянами, прочие категории личного и потомственного дворянства – с профессиональной интеллигенцией; происходило также “обуржуазивание” дворянства и “оземеливание” буржуазии. Духовенство эволюционировало от сословия в сторону профессиональной группы духовных пастырей. Городское сословие превращалось в предпринимателей, интеллигенцию и рабочих, крестьянство – в фермеров и рабочих. Решающее значение в превращении сословий в классы и профессиональные группы имели, с одной стороны, юридическая и фактическая ликвидация привилегий дворянства, с другой – ликвидация правовой неполноценности податных сословий. С отменой крепостного права в 1861 г. все категории крестьян и городских обывателей сравнялись по своим правам, а дворянство утратило свою главную привилегию – монопольное право на владение крепостными. После введения земских учреждений в 1864 г. все сословия получили право формировать органы местного самоуправления на уездном и губернском уровнях. Городская реформа 1870 г. превратила городское сословное самоуправление во всесословное самоуправление. В результате судебной реформы в 1864 г. сословные суды упразднились, и все граждане попадали под юрисдикцию единых для всех общесословных судов. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. ликвидировало принципиальное различие между привилегированными и податными сословиями: представители всех сословий, включая дворянство, стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. Другие важные

² В данном случае под социальными классами имеются в виду большие социальные группы, отличающиеся богатством, властью, социальным престижем, образованием, стилем жизни, но вместе с тем обладающие одинаковым социально-экономическим статусом. Классы открыты на входе и выходе; принадлежность человека к классу обуславливается его личными заслугами, а не происхождением.

реформы, произошедшие в последней трети XIX – начале XX в. (отмена подушной подати и круговой поруки среди сельских и городских обывателей, включение дворянства в число налогоплательщиков, отмена паспортного режима, отмена выкупных платежей за землю, получение права на выход из общины в 1907 г., наконец, введение представительного учреждения и обретение гражданских прав всем населением в 1905 г.), привели к тому, что к 1917 г. все сословия *юридически* утратили свои специфические сословные права. Вертикальная социальная мобильность существенно возросла, поддерживая трансформацию социальной структуры из сословной в классово-профессиональную.

Политическая система России в пореформенное время успешно трансформировалась. В 1860–1870-е гг. возникли всесословные органы местного самоуправления. После принятия новых Основных законов в 1906 г., которые фактически являлись конституцией, и создания парламента страна превратилась в *дуалистическую правовую монархию* и в течение последнего десятилетия существования империи государственность являлась *de jure* правовой, поскольку официально произошел переход к конституционному понятию закона, население получило конституцию, парламент и гражданские права. В России в главных чертах сформировалось правовое государство с его атрибутами – верховенством закона, административной юстицией и разделением властей – и инструментальной основой в виде бюрократии, действующей по законам административного права согласно формальным и рациональным правилам, что в политической социологии считается признаком легального господства.

Обнищание народа после Великих реформ – фальшивый миф. На самом деле уровень жизни широких народных масс, несмотря на циклические колебания, имел позитивную тенденцию – медленно, но верно увеличиваться, благодаря общей благоприятной экономической ситуации в стране, взвешенной и достаточно благоразумной социально-экономической политике правительства [Мионов, 2012].

Классовая борьба не являлась доминирующей формой социальных конфликтов применительно к России начала XX в. Правильнее говорить о конфликте групповых, а не классовых интересов, о чем свидетельствуют отнюдь не классовые разногласия между партиями (например, левые кадеты и правые социалисты по ряду вопросов были ближе друг к другу, чем большевики и меньшевики) и социальный состав основных партий. “Застрельщиком” революции стала интеллигенция, а не пролетариат. “Гегемония пролетариата”, то есть руководство трудящимися, осуществляемое рабочим классом, – марксистский теоретический конструкт, не подтвержденный практикой борьбы. “Белые воротнички” находились в авангарде протестных движений и руководили всеми партиями. Во время выборов в Государственную думу избиратели дифференцировались между политическими партиями не по классовому признаку. Выбор своей партии также не определялся в решающей степени социальной принадлежностью [Киселев, Корелин, Шелохаев, 1992, с. 114–141; Коенкер, 1994, с. 216; Павлов, 1994, с. 99–100].

Непосредственные причины революций, согласно ленинской концепции, сводились к кризису “верхов”, их неспособности управлять страной, обострению выше обычного нужды и бедствий широких народных масс – “низов”, на почве чего происходило значительное повышение их активности и обострение классовой борьбы [Советская... 1968, т. 11, стлб. 926–933; История... 1987, с. 330; Минц, 1977, т. 1, с. 109–162]. Как показывают современные исследования, и недовольство “снизу”, и несостоятельность “верхов” до февраля 1917 г. сильно преувеличены. Во время любой войны происходит снижение уровня жизни. Однако во время Первой мировой войны, вплоть до февральских революционных событий 1917 г., понижение благосостояния можно считать умеренным. В 1914–1916 гг., по расчетам С. Прокоповича, реальная зарплата рабочих выросла на 9%, а согласно С. Струмилину, – понизилась на 9%; но оба единодушны

относительно ее существенного уменьшения в 1917 г. и катастрофического падения после прихода к власти большевиков, в 1918 г.³

По мнению весьма компетентных санитарных врачей В. Бинштока и Л. Каминского, питание в городах во время войны “несколько ухудшилось, но потребление даже в 1916 г., по имеющимся сведениям (Москва, Тула, Оренбург, Саратов), нужно считать количественно достаточным... Питание в деревне, по-видимому, резким изменениям во время войны не подвергалось”. Брачность и рождаемость уменьшились в связи с мобилизацией мужчин, но смертность находилась на довоенном уровне, а заболеваемость остроинфекционными болезнями в течение первых двух лет войны не усилилась [Биншток, Каминский, 1929, с. 32, 34–35, 84]. Расчеты Н. Кондратьева также показывают: потребление хлеба крестьянами во время войны, по крайней мере в производящих хлеб губерниях, увеличилось по причине роста доходов, сокращения потребления алкоголя и уменьшения продажи хлеба на рынке [Кондратьев, 1991, с. 32].

Продовольственный кризис, первые признаки которого проявились в конце 1916 – январе 1917 г., так же как и перебои в снабжении Петрограда хлебом, начавшиеся в феврале 1917 г., обуславливались не недостатком в стране продовольствия, а беспорядками на железнодорожном транспорте, усугубленными суровой зимой, снежными заносами и намеренным саботажем [Головин, 2001, с. 347–349]. Правительство в начале войны создало инфраструктуру для мобилизации местных ресурсов с использованием земств, передав им часть государственных полномочий по регулированию железнодорожного транспорта. По причине дороговизны, опасения продовольственного кризиса и падения авторитета центральной власти земства стали использовать свои новые полномочия для удержания хлеба в пределах своих губерний. В результате местнического использования железных дорог земскими заготовительными органами границы губерний были блокированы, вследствие чего возникли трудности с обеспечением продовольствия столиц и крупных городов [Мацузато, 2001, с. 144–198].

Зима (декабрь 1916 – февраль 1917 г.) выдалась суровой. Средняя температура трех зимних месяцев в Петрограде опустилась на 1,8° С ниже нормы, в Москве – на 2,1°, а в феврале – соответственно, на 6,1° и 7,1°. В феврале в Петрограде температура падала до –29°, в Москве – до –30° С. Холодным выше нормы был и март. Одновременно с этим в столице и прилегающей к ней территории в феврале выпало снега на 40% выше нормы, в марте – на 76% [Статистический... 1921, с. 244–245, 250–253, 260–261, 267, 269]. По этой причине происходили срывы поставок хлеба, дров и угля.

Есть свидетельства, что не только органы общественного самоуправления, но и ряд либеральных чиновников коронной администрации намеренно допустили просчеты в деле снабжения столицы продуктами с целью обострить в городе продовольственный кризис [Куликов, 2007, с. 176; Кинг, Вильсон, 2005, с. 111]. По утверждению начальника Петроградского охранного отделения К. Глобачева, объективные трудности со снабжением хлебом в Петрограде в последней декаде февраля 1917 г., с одной стороны, но главным образом намеренно пущенные слухи о надвигающемся голоде, отсутствии хлеба в столице и скором введении карточек – с другой, привели к тому, что горожане стали закупать в большом количестве хлеб впрок, вследствие чего у хлебных лавок выстроились длинные очереди. Кроме того, в столице скопились тысячи беженцев из прифронтовых регионов, которые не учитывались должным образом и потому не получали хлебных карточек [Глобачев, 2002, с. 61; История... 2010, т. 1, с. 371].

Таким образом, положение россиян во время войны, безусловно, ухудшилось, возникли серьезные проблемы на транспорте, в управлении фронтом и тылом. Однако не до такой степени, чтобы породить революционную ситуацию. В 1916 г. снабжение армии оружием и боеприпасами налажилось, в частности снарядный голод был удовлетворен, и это обеспечило успех Брусиловского прорыва летом 1916 г. В дальнейшем

³ Причина расхождений в оценках Прокоповича и Струмилина состоит в следующем: первый более полно учитывал, кроме зарплаты, пайки, расходы предпринимателей на жилище, страхование и медицинскую помощь своим работникам, составлявшие довольно значительную величину – 8,3% денежной платы [Прокопович, 1952, т. 2, с. 77–78; Струмилин, 1963, т. 1, с. 190–196; т. 3, с. 378, 382, 386].

войска не ощущали недостатка в вооружении [Катков, 2006]. К 1917 г. на русском фронте дела обстояли не хуже, чем на западном, и поэтому мало кто сомневался, что Россия продержится до конца войны. Тыл по объективным показателям находился если не в хорошем, то и не в критическом состоянии.

Но все познается в сравнении. По объективным показателям ситуация в России выглядела предпочтительнее, чем в других воюющих странах, особенно в Германии и Франции [Бокарев, 2001, с. 436–441], поскольку Россия вела войну с гораздо меньшим напряжением сил, чем ее противники и союзники. Во всех воюющих странах положение с продовольствием было гораздо хуже, чем в России, особенно в Германии и Австро-Венгрии [Волков, 2004; Катков, 2006]. Карточная система на хлеб введена в Германии 31 января 1915 г. и к концу 1916 г. распространена по всей стране и на все важнейшие продукты народного питания – картофель, мясо, молоко, жиры, сахар. Городская норма потребления хлеба составляла 200–225 г на человека в день, мяса – 250 г в неделю. В 1917 г. норма хлеба понизилась до 170 г, или 1600 г печеного хлеба в неделю, масла и жиров – до 60–90 г в неделю; молоко получали только дети и больные. Немыслимого качества немецкий “военный хлеб” образца 1917 г. примерно соответствовал хлебу блокадного Ленинграда в 1942 г. как по рецептуре, так и по количеству. В 1917 г. потребление мяса и жиров сократилось до одной пятой довоенного. В Петрограде накануне февральских событий продажа хлеба тоже нормировалась: на человека приходилось 1,5 фунта (615 г) хлеба хорошего качества, а рабочим и военным – по 2 фунта (820 г). Лишь с декабря 1917 г. в обеих столицах большинство продуктов питания стало распределяться по карточкам [Гибель... 1991, с. 28; Протасов, 1978, с. 26]. При этом, несмотря на тяжелейшие условия жизни, число стачечников на 1000 человек работающих в Германии в 1916 г. было в 69 раз меньше [Mitchell, 1976, p. 20, 156, 174; Статистический... 1921, с. 34–35, 38, 131, 141, 151, 161], чем в России⁴.

По иронии судьбы современные российские мальтузианцы и неомальтузианцы, в отличие от своих предшественников, всегда бывших оппонентами марксистов, разделяют ленинскую точку зрения на пореформенное развитие России и происхождение революций, но за одним исключением: они видят главную предпосылку революции в противоречии не между производительными силами и производственными отношениями, а между производительными силами и потребностями людей в пище. По их мнению, социально-экономический кризис – это прежде всего демографический кризис, вызванный опережающим темпом роста числа жителей сравнительно с ресурсами; главная причина русских революций начала XX в. тоже состояла в экзистенциальном кризисе: крестьяне и рабочие буквально беднели, голодали и вымирали [Нефедов, 2005, с. 242–328].

Классическая мальтузианская теория не нашла эмпирического подтверждения не только в России, но и в мировом масштабе. Поэтому ей на смену пришла структурно-демографическая теория, которая модифицирует исходную посылку традиционного мальтузианства: увеличение числа жителей, не обеспеченных продовольствием, вызывает кризис государства не прямо, а косвенно, посредством воздействия на экономические, политические и социальные институты. Новизна такого подхода состоит в двух моментах: во-первых, постулируется существование лага между кризисом внизу – в потреблении народных масс, и кризисом наверху – в элите и государстве; во-вторых, конструируется механизм опосредованного воздействия экзистенциального кризиса на социальные институты (через дефицит государственных финансов, перепроизводство элиты и внутриэлитную конкуренцию, пауперизацию и недовольство крестьянства, возрастание доли молодежи, идеологические конфликты). Сущность же концепции осталась прежней, мальтузианской – число жителей растет быстрее ресурсов. С точки зрения сторонников данной концепции, причины Русской революции 1917 г.

⁴ По данным И. Минца, в 1915 г. в России один стачечник приходился на 6 рабочих, в Англии – на 11 рабочих, во Франции – на 389, в Германии – на 428, а в 1916 г. – соответственно, на 3, 18, 85 и 46 [Минц, 1977, т. 1, с. 299].

сводились к двум – к быстрому росту социального неравенства и перепроизводству элиты, аналогичному, по сути, общему перенаселению; собственно экзистенциальный кризис состоял в недостатке ресурсов для элиты, а не для народа. Недовольство элит в отличие от недовольства народа напрямую ведет к ослаблению и только в конечном итоге – к развалу государства, революциям и гражданским войнам [Турчин, 2007, с. 173–176, 257–259]⁵.

Структурная концепция революции: высокий уровень неравенства в России

В марксистской, мальтузианской и структурно-демографической концепциях революции рост имущественного и социального неравенства в пореформенное время рассматривается как один из важных факторов революции. Структурная концепция видит в поляризации общества, разделенного на привилегированные и угнетенные социальные группы, и в нарастающем конфликте групповых интересов главную предпосылку революции. Когда существует высокий уровень неравенства, революция может легко разразиться при ослаблении государственных структур, защищающих господство привилегированных групп, например вследствие неудачной войны [Штомпка, 2005, с. 568–569].

Тезис о быстром увеличении неравенства в пореформенное время и чрезвычайно высоком его уровне в начале XX в. не подтверждается эмпирически. На самом деле степень неравенства среди крестьянства на рубеже XIX–XX вв., если ее оценивать наиболее адекватным способом – коэффициентом Джини по доходу на человека, была невысокой – 0,133–0,206, и к 1917 г. едва ли могла возрасти сколько-нибудь значительно [Миронов, 2003, т. 1, с. 123–129]. В советской историографии степень расслоения вольно или невольно завышалась с целью доказать готовность позднеимперского российского общества к социалистической революции. Для доказательства этого использовались данные о землепользовании и числе скота. Этот критерий, пригодный для крепостной эпохи, утратил свою адекватность в пореформенное время вследствие того, что значительная часть дохода стала получаться крестьянами за счет промысловой деятельности, найма на временную работу и других видов несельскохозяйственной активности. В 1880–1913 гг., по сведениям земских подворных переписей, в 28 губерниях Европейской России 62% крестьянских хозяйств занимались промыслами, в которые было вовлечено около 60% мужского населения в рабочем возрасте [Рашин, 1958, с. 308, 311].

Но даже группировки по числу скота не подтверждают прогрессивной динамики расслоения в 1880–1917 гг. По сведениям военно-конских переписей, в среднем по 50 губерниям Европейской России доля безлошадных дворов в 1882 г. составляла 26,9%, в 1888–1891 гг. – 27,8%, в 1893–1896 гг. – 32,2%, в 1899–1901 гг. – 29,3%, в 1912 г. – 31,6%, в 1917 г. – 28,8% [Материалы... 1903, ч. 1, с. 211; Статистические... 1895, с. 27; Экономическое... 1922, с. 11; Ковальченко, 1992, с. 258]. Увеличение доли безлошадных в 1893–1896 гг. стало результатом тяжелого неурожая 1891–1892 гг., последствия которого удалось полностью преодолеть через 10 лет. Доля безлошадных дворов незначительно колебалась с легкой тенденцией к увеличению – за 35 лет (1882–1917 гг.) она возросла лишь на 1,9%. Но военно-конские переписи имели большой недостаток: они не учитывали волов, заменявших лошадей в юго-восточных, степных, украинских и других черноземных губерниях, что приводило к завышению процента хозяйств, не имевших рабочего скота (“безлошадных”). В губерниях, где волы широко использовались, доля безлошадных намного выше сравнительно с теми, где они не применялись: в Донской губернии в 1893–1896 гг. насчитывалось 42,3% безлошадных дворов, а доля

⁵ Критику мальтузианства см. [Миронов, 2012, с. 579–596]; а также сборник, где опубликованы три моих статьи, а также статьи Л. Гринина, М. Давыдова, А. Коротаева, С. Малкова и С. Циреля [О причинах... 2010].

волов в общем числе рабочего скота составляла 45,9%, в новороссийских губерниях – соответственно, 34,6% и 22,6%, в малороссийских губерниях – 45% и 15%⁶.

Если бы в группировках по скоту вола учитывались, то хозяйств без рабочего скота насчитывалось бы существенно меньше, так как в 1916 г. на долю волов приходилось 9,4% от общего числа лошадей и волов [Сельское... 1923, с. 262]. Большинство дореволюционных и западных исследователей, специально изучавших вопрос расслоения, пришли к выводу: крестьянство до самой революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношениях довольно однородной массой и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения [Миронов, 2003, т. 1, с. 123–129; Johnson, 1997, р. 705–731; Jones, 1997, с. 321–344]. Именно поэтому в 1897 г. во всей империи (без Финляндии) доля рабочих и прислуги, для которых работа по найму служила главным средством к существованию, составляла в самостоятельном населении империи всего 10,9% (8432,3 тыс. из 77 332 тыс.)⁷.

Чтобы получить представление об уровне имущественного неравенства в стране, рассчитаем на 1901–1904 гг. децильный коэффициент дифференциации доходов. Он показывает, во сколько раз средний доход 10% самых богатых превышает средний доход 10% наименее обеспеченных граждан⁸. В низшую по доходам 10-ю децильную группу войдут полностью: (1) маргинальные слои (0,93% самостоятельного населения), (2) сельскохозяйственные рабочие (3,53%), (3) поденщики и чернорабочие (1,45%), (4) промышленные рабочие (точнее, женский и детский их компоненты) заполнят оставшиеся 4,09%. Средний годовой доход 10% самостоятельного населения с минимальными доходами равнялся приблизительно 78 руб.

В высшую 1-ю децильную группу войдут наиболее состоятельные граждане с доходом выше 1000 руб. на работающего в год – буржуазия, землевладельцы, лица свободных профессий (адвокаты, успешные журналисты, известные артисты), профессора и врачи, классные чиновники и офицеры. Их число определила созданная в мае 1905 г. Комиссия по вопросу введения подоходного налога при Министерстве финансов. Согласно расчету, по империи (без Финляндии), в 1901–1904 гг. людей с доходом более 1000 руб. насчитывалось лишь 404,7 тыс., с другими взрослыми членами семьи – 809,4 тыс. [Опыт... 1906, с. XXXIV–XXXVI], или 1% самостоятельного населения страны. Второй компонент 10-й децильной группы включал 9% жителей или 7681 тыс. человек. Средний доход 1-й децильной группы составлял около 493 руб.

Децильный коэффициент неравенства в России начала XX в. составлял примерно 6,3 и мог варьировать в границах 4,2–10,7 [Миронов, 2012, с. 597–608]. Лишь максимально возможная его величина могла представлять известную социальную опасность.

В начале XX в. большинство западноевропейских стран по имущественному неравенству превосходили Россию. Например, в США децильный коэффициент в 1913–1917 гг. равнялся 16–18, в 1929 г. – 18,2, в 1950 г. – 16,0, в 1970 г. – 18,0⁹. Колоссальное имущественное неравенство существовало в Великобритании, где в 1850-е гг. децильный коэффициент достигал 22,5 для налогоплательщиков и 74 для всего населения [Миронов, 2012, с. 440–441]. В других европейских странах неравенство было ниже, чем в США и, особенно, в Великобритании, но выше, чем в России. Средний доход на

⁶ Доля безлошадных крестьян [Материалы... 1903, ч. 1, с. 210–211]. Доля волов в хозяйствах крестьянского типа в 1916 г. [Статистический... 1921, с. 184–191].

⁷ К самостоятельному населению (в соответствии с принятыми в конце XIX – начале XX в. критериями) отнесены лица обою пола в возрасте от 15 лет и старше. Его численность на 1897 г. определена по итогам переписи 1897 г. [Общий... 1905, т. 1, с. 56–59].

⁸ Соотношение между средними доходами 10% самых богатых и бедных называется коэффициентом фондов, а децильный коэффициент – отношение минимального дохода 10% самых богатых к максимально-му доходу 10% самых бедных [Ефимова, Бычкова, 2004, с. 237–238]. Коэффициент фондов по абсолютному значению больше децильного коэффициента, но различие между ними, как правило, незначительно. Во избежание преуменьшения неравенства я использую коэффициент фондов.

⁹ Подсчитано мною по той же методике, которая использовалась при оценке децильного коэффициента для России [Historical... 1975, р. 302].

человека у 1% самых богатых россиян в 1901–1904 гг. равнялся в текущей валюте 991 руб. (507 долларов США), а у американцев в 1900–1910 гг. – 8622 руб. (4412 долларов) [Historical... 1975, p. 8, 231, 303], то есть в 8,7 раза больше. Самые состоятельные англичане и американцы превосходили по богатству императора России и великих князей.

Таким образом, имущественное неравенство в начале XX в. в России в целом находилось на более низком уровне сравнительно с западными странами. Оно имело важную особенность: незначительное по западным стандартам богатство сосредоточивалось в руках лишь 1% жителей, а среди остальных 99% оно распределялось без кричащих контрастов. Поэтому предположение об огромном неравенстве доходов в поздней имперской России как главном факторе русской революции не подтверждается эмпирически. Если сравнивать бедного крестьянина с Романовыми, Шереметьевыми, Юсуповыми и иными подобными русскими аристократами, то неравенство, конечно, было громадным, хотя и намного меньшим, чем между, скажем, Рокфеллером и американскими рабочими, а в современной России между олигархами и остальными гражданами¹⁰. Если же сравнивать целые страты богатых и бедных, то различия следует признать умеренными.

Структуралисты пытаются объяснить предпосылки, готовящие революцию. Непосредственные же ее причины остаются вне сферы их внимания, так как структурные сдвиги в социуме происходят медленно и постепенно, значит, в режиме, пользуясь термином Ф. Броделя, “долгого, или длительного, времени”, а революции свершаются быстро, в режиме “короткого времени”.

Политические теории революции

Представители политической теории и генезис революции, и непосредственные ее причины усматривают главным образом в конфликтах между властями и элитами, внутри элит, между элитами и различными социальными группами. В основе конфликтов – *борьба за политическое господство*. Но это – неперенный спутник общественной жизни любого государства, не исключая так называемых современных демократий, где переход власти от одной группировки к другой институционализирован и введен в цивилизованные процедуры. В данном случае речь идет не о классовой борьбе в марксистском смысле: столкновения имеют преимущественно политическую, а не социальную подоплеку. Например, во время Великой французской революции главным соперником дворянства выступал не нарождавшийся класс буржуазии, а просвещенные либеральные элиты из всех трех сословий. По причине острой борьбы групповых интересов во время революции часто встречается *ситуация двоевластия или многовластия*, когда различные группы вступают в острый политический конфликт, мобилизуют ресурсы в свою поддержку, но никто не может взять верх. В результате борющиеся политические блоки находятся в переходной ситуации равновесия [Штомпка, 2005, с. 570].

Одни представители политической теории революции (к ним относится, например, известный американский исторический социолог Ч. Тилли) делают акцент на столкновении интересов различных социальных групп, противоречия между которыми обусловлены внутренними для данного социума причинами [Tilly, 1993]. Другие обращают внимание на важную роль в вызревании революционной ситуации низкой социальной мобильности, блокирующей или существенно ограничивающей доступ к власти влиятельных социальных групп. Традиционный механизм вертикальной мобильности, ставивший на первое место происхождение, а не таланты, не удовлетворял новые элиты, формирующиеся в развивающемся буржуазном обществе. Согласно теории элит итальянского социолога В. Парето, революции происходят тогда, когда старая правящая элита обновляется чересчур медленно, вследствие чего в высших

¹⁰ В 2011 г. общее состояние 200 богатейших людей России оценивалось в 499 млрд долл. – это больше годового дохода федерального бюджета Российской Федерации или годового фонда оплаты труда всех 70 млн трудоспособных граждан. По данным Росстата, доходы 10% самых богатых превосходили доходы 10% самых бедных в 16,5 раза [Forbes... 2011; Росстат... 2012].

слоях накапливаются элементы, олицетворяющие бессилие, разложение и упадок, а в низших скапливаются индивиды, превосходящие их своими достоинствами. Смысл революции состоит в обновлении состава правящей элиты и в восстановлении таким способом общественного равновесия [Осипова, 2004; Парето, 2007]¹¹.

Борьба элиты и контрэлиты за власть, как и двоевластие, действительно являются характерными чертами русских революций начала XX в. [Бэдкок, 2007, с. 105; Figes, 1998, р. 359–360]. С. Куликов, на мой взгляд, весьма удачно использовал теорию Парето при объяснении происхождения революции 1917 г. [Куликов, 2007, с. 117–185].

Третьи сторонники политической концепции особое значение придают государству, полагая, что оно относительно автономно от господствующего класса, а государственная бюрократия – самостоятельная социальная сила. Пока государственная власть сильна и легитимна в глазах большинства граждан, революционные процессы блокируются. Кризис и распад государства неминуемо ведут к революции и только после его восстановления и укрепления революция заканчивается. Решающая роль в возникновении революционной ситуации приписывается внешним факторам – конкуренции на мировой арене и военно-политическому давлению на относительно отстающие страны со стороны экономически более развитых соседей [Skocpol, Trimberger, 1994, р. 66]. При этом конфликты между групповыми интересами внутри социума обостряются в условиях войны и усиления внешних угроз [Стародубровская, Май, 2004, с. 31; Skocpol, 1979]. Эти выводы находят поддержку среди исследователей русских революций, почти единодушно убежденных: поражения в Русско-японской войне и неудачи в Первой мировой войне спровоцировали русские революции.

Четвертая группа представителей политического направления (лидером этой группы признается Дж. Голдстоун) также связывает революции с кризисом государства. Однако, по их мнению, к этому кризису приводят не столько политические противоречия и конфликт групповых интересов, сколько неадекватный ресурсам рост числа жителей, провоцирующий политические столкновения. Перенаселение усиливает конкуренцию во всех слоях общества (крестьян – за землю, рабочих – за работу, элиты – за должности), увеличивает спрос на товары, способствует росту цен и снижению эффективности налоговой системы, что ведет к расстройству государственных финансов и снижению покупательной способности жителей. В результате в обществе возрастает социальное напряжение и обостряются все противоречия. Это, в конечном счете, приводит к серьезному кризису государства и в экстремальном варианте – там, где институты (к ним относятся законы, правила, нормы, а также традиции, верования и т. п.) негибки, – к революции [Goldstone, 2003, р. 13–19; Голдстоун, 2001].

К русским революциям начала XX в. данная концепция неприменима по нескольким причинам. Во-первых, общего перенаселения в масштабе страны не наблюдалось, а проблема избытка рабочих рук, существовавшая в некоторых местностях, решалась простым переселением и улучшением агротехники. Во-вторых, после принятия Основных законов в 1906 г. в России появилась возможность мирной смены власти в результате выборов. В-третьих, в пореформенное время в России наблюдалось повышение уровня жизни, финансовая система работала вполне удовлетворительно. Объяснение революции Голдстоуном кажется политическим только на первый взгляд. На самом деле, поскольку главная роль отводится перенаселению, это скорее неомальтузианская концепция революции (о ней шла речь выше).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахизер А.С.* Россия: Критика исторического опыта. В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1997.
Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здоровье. М.; Л., 1929.
Бокарев Ю.П. Российская экономика в мировой экономической системе (конец XIX – 30-е гг. XX в.) // Экономическая история России XIX–XX вв. Современный взгляд. М., 2001.

¹¹ Объяснение революции как борьбы между элитами за власть широко используется в историографии [Фюре, 1998]. Дж. Харт видит общие черты российской, иранской, мексиканской и китайской революций в том, что “экономический рост породил новые социальные группы, важные с экономической и технологической точек зрения, но не имеющие доступа к власти” [Hart, 1987, р. 11].

- Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.
- Бэдкок С.* Переписывая историю российской революции: 1917 г. в провинции // Отечественная история. 2007. № 4.
- Волков С.М.* Забытая война. М., 2004 (<http://swolkov.ru/publ/27.htm>).
- Галкина Е., Колиненко Ю.* Поиски России в новой русской историософии // Пушкин: Русский журнал о книгах. 2009. № 3.
- Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое. 1991. Кн. 1.
- Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 8–9.
- Голдстоун Дж.* Теория революции, революции 1989–1991 гг. и траектория развития “новой” России // Вопросы экономики. 2001. № 1.
- Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.
- Дьюкс П.* Девять точек зрения на Российскую революцию // Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998.
- Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос. СПб., 1906.
- Ефимова М.П., Бычкова С.Г.* Социальная статистика. М., 2004.
- Заболотный Е.Б.* Революция 1917 г. на Урале (Историография). Тюмень, 1995.
- Земцов Б.Н.* Историография революции // Международный исторический журнал. 1999. № 2 (http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_9/Literature/Zemcov.htm#74).
- Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Контрреформы в России: Циклы модернизации процесса. М., 1996.
- История России. XX в. В 2 т. Т. 1. 1894–1939. М., 2010.
- История России в вопросах и ответах. Ростов н/Д., 2011.
- История СССР: XIX – начало XX в. М., 1987.
- Кантор В.* Русская классика, или Бытие России. М., 2005.
- Катков Г.М.* Февральская революция. М., 2006.
- Кинг Г., Вильсон П.* Романовы. Судьба царской династии. М., 2005.
- Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В.* Политическая карта России в 1905–1907 гг.: количественный анализ // Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: математические методы в исторических исследованиях. М., 1992.
- Ковальченко И.Д.* Аграрное развитие России и революционный процесс // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992.
- Коенкер Д.П.* Рабочий класс в 1917 г.: социальная и политическая самоидентификация // Анатолия революции: 1917 г. в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994.
- Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
- Корзинин А.Л.* История России с древности до начала XXI в. Планы ответов на экзаменационные вопросы. СПб., 2008.
- Куликов С.В.* “Революции неизменно идут сверху...”: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. № 11.
- Малия М.* К пониманию русской революции. London, 1985.
- Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1903.
- Мацузато К.* Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен: политологический подход. Саппоро, 2001.
- Миц И.И.* История Великого Октября. В 3 т. М., 1977–1979.
- Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. 2-е изд, испр., доп. М., 2012.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 2003.
- Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX в. Екатеринбург, 2005.
- О причинах русской революции. М., 2010.
- Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. В 2 т. Т. 1. СПб., 1905.

Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и размерам в России. СПб., 1906.

Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: политический аспект. СПб., 2004.

Павлов Д.Б. Союз 17 Октября в 1905–1907 гг.: численность и социальный состав // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994.

Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007.

Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М., 2011.

Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998.

Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. В 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1952.

Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.

Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958.

Ростат: количество россиян с низкими доходам сократилось // Вести. Экономика (<http://www.vestifinance.ru/articles/7810>). 1 декабря 2012.

Сельское хозяйство России в XX в. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923.

Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 11, 14. М., 1968.

Соловей В.Д. Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007.

Сорокин П.А. Социология революции // *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2004.

Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1895.

Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. М., 1921.

Струмилин С.Г. Избр. произв.: В 5 т. Т. 1. М., 1963.

Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2007.

Февральская революция 1917 г. в российской истории. “Круглый стол” // Отечественная история. 2007. № 5.

Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб., 1998.

Шепелева В.Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 г. в России (По материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск, 2005.

Шепелева В.Б. Россия, 1917–1920 гг. Проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). Омск, 2009.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.

Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. М., 1922.

Янов А.Л. Тень Грозного царя. Загадки русской истории. М., 1997.

Billington J.H. Six Views of the Russian Revolution // World Politics. 1966. Vol. 18. № 3.

Figes O. People's Tragedy: the Russian Revolution, 1891–1924. New York, 1998.

Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Oxford–New York, 2008.

Goldstone J.A. The Comparative and Historical Study of Revolutions // Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies. Belmont, 2003.

Forbes Russia. 2011. 15 апреля (<http://www.forbes.ru/.../65824-200-bogateishih-biznesmenov-rossii-2011>).

Hart J.M. Revolutionary Mexico. The Coming and Process of the Mexican Revolution. Berkeley, 1987.

Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. In 2 pts. Pt. 1. Washington, 1975.

Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis: 1914–1921. Cambridge, 2002.

Johnson R. Family Life-cycles and Economic Stratification: a Case-study in Rural Russia // Journal of Social History. 1997. Vol. 30. № 3.

Jones A. Late Imperial Russia. An Interpretation: Three Visions, Two Cultures, One Peasantry. Bern, 1997.

Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750–1970. New York, 1976.

Skocpol T., Trimberger E.K. Revolutions and the World-Historical Development of Capitalism // *Skocpol T.* Social Revolutions in the Modern World. Cambridge, 1994.

Skocpol T. States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979.

Tilly Ch. European Revolutions, 1492–1992. Oxford–Cambridge, 1993.

© Б. Миронов, 2013